

О. В. ЗЫРЯНОВ

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'42:821.161.1-1(Державин Г. Р.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,445

«РЕКА ВРЕМЕН...» КАК СВЕРХТЕКСТОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX вв.

Аннотация. Анализируется сверхтекстовое образование, складывающееся в русской поэтической традиции вокруг последнего стихотворения Г.Р. Державина «Река времен в своем стремлении...». Выявленный рецептивный цикл определяется как «ситуационный» сверхтекст (наряду с уже известными видами сверхтекстов – локальным и персональным). На отдельных примерах (стихотворения В. Капниста, К. Батюшкова, Ф. Тютчева, О. Мандельштама, В. Ходасевича) показывается, как в ходе литературной эволюции в «интертекстуальном потомстве» державинского сверхтекста увязываются воедино экзистенциальный и историософский аспекты, традиции Екклесиаста и Горация.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, рецептивный цикл, сверхтекст, лирическая ситуация, последнее стихотворение, традиция поэтического «памятника»

Предметом филологии является «текст во всех его аспектах и внешних связях» (С. С. Аверинцев). Но текст в таком случае выступает не просто как лингвообъект, или «внешнее произведение», но именно как образование ментальной природы, иначе говоря, как «своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы» [Бахтин 1986: 299]. В национальной поэтической традиции особое внимание следует обратить на сильные в «энергетическом» отношении прецедентные тексты, вокруг которых складываются всевозможные рецептивные циклы, или сверхтекстовые образования. Обладая огромным заразительным воздействием, данные тексты-прецеденты порождают вокруг себя многочисленный ряд текстов, своего рода «интертекстуальное потомство» (термин А. К. Жолковского). Обозначенный данным явлением феномен интертекстуальных связей (по принципу «избирательного сродства») может быть с полным основанием уподоблен некоему рецептивному циклу, разворачивающемуся по ходу литературной эволюции и обнаруживающемуся в виде «своеобразной монады, отражающей в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы».

Присмотримся в этой связи к такому сверхтекстовому

образованию, которое складывается в русской поэтической традиции вокруг последнего стихотворения Г. Р. Державина «Река времен в своем стремлении...». Опубликованный в журнале «Сын отечества» (1816, № 30), данный текст сопровождался примечательной редакторской припиской: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: Река времен, начал он стихотворение “На тленность” и успел написать первый куплет» [Державин 2002: 688]. Заметим, что в системе жанров классицизма и в свете эстетического сознания классицистической эпохи указанный текст и не мог восприниматься иначе, как незавершенный фрагмент, отрывок более крупного стихотворного целого – на правах отдельной восьмистишной строфы в контексте незавершенного одического жанра. В эстетической же перспективе рецептивного сознания Нового времени державинская «Река времен...» предстает как вполне автономный образец лирико-философской миниатюры, органически вписывающийся в круг антологической лирики, что, кстати, подкрепляется уже неоднократно отмечаемой (еще со времен американского исследователя Мориса Халле) формой акростиха: по вертикали начальные буквы стихотворных строк образуют связное высказывание РУИНА ЧТИ.

Река времен в своем стремлении

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей.

А если что и остается

Чрез звуки лиры и судьбы,

То вечности жерлом пожрется

И общей не уйдет судьбы! [Державин 2002: 541–542].

К сказанному следует добавить, что «Река времен...», буквально предсмертное стихотворение Державина, открывает в русской поэзии Нового времени устойчивую традицию такой сверхтекстовой общности, как парадигма «последнего стихотворения». Примечательный опыт в этом отношении – выделить и описать проявленный в русской поэтической традиции сверхтекст «последнего стихотворения» – принадлежит екатеринбургскому поэту и филологу Ю. В. Казарину, составителю объемной антологии «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.» (Екатеринбург, 2011). Подобная структурно-семантическая или жанровая парадигма «последнего стихотворения» определяется исследователем как «особый, итоговый поэтический текст духовно-идентифицирующего и метатекстового характера», приобретающий к началу XIX в. «типичные,

повторяющиеся формально-содержательные параметры» [Последнее стихотворение... 2011: 48]. Несомненно, что семантическое «ядро» указанного сверткста задает именно предсмертная ода Державина «На тленность». Она же определяет и еще одну не менее характерную черту данной сверткстевой общности. Представляется далеко не случайным тот факт, что парадигма «последнего стихотворения» включает в себя многие примеры восьмистиший, или двухкратных стиховых композиций, наподобие державинской оды «Река времен...». Вот только некоторые примеры подобных восьмистишных миниатюр: «Жуковский, время все поглотит...» К. Батюшкова, «Последние стихи» («Люби питомца вдохновенья...») Д. Веневитинова, «Милый друг, я умираю...» Н. Добролюбова, «Черный день! Как нищий просит хлеба...» Н. Некрасова, «До свиданья, друг мой, до свиданья...» С. Есенина, «Революция губит лучших...» М. Волошина, «Поговори со мной еще немного...» Г. Иванова, «Элегия» («Отложу свою скудную пищу...») Н. Рубцова, «Вот какое намерение» Б. Слуцкого, «Все люди – живопись, а я чертежник...» С. Липкина. Однако пожалуй, лишь только первое стихотворение из приведенного списка («Жуковский, время все поглотит...» Батюшкова) самым непосредственным образом наследует мотивно-семантическую структуру державинского текста-прецедента.

Указанный сверткст, ведущий свое происхождение от державинской «Реки времен...», уместнее обозначить именно как «ситуационный» сверткст (наряду с уже известными видами сверткстов – локальным и персональным). Понятие «ситуация», с нашей точки зрения, наиболее полно выражает мотивную структуру произведения, ценностно-иерархическую систему смыслов, интенциональность лирического сознания. В плане генеративной поэтики «ситуация» выступает как модель текстопорождения, некая дискурсивная практика. В онтологическом плане «ситуация» – это та основа, которая обуславливает «самовоспроизводимость кластера», представляя собой «убедительную манифестацию поэтической памяти» [Жолковский 2005: 396]. В структурном отношении ситуация – «ядро» смыслового континуума («смысловой сферы» на языке М. М. Бахтина), некая формально-содержательная константа, скрепляющая сверткстевую общность. Именно о сверткстевом образовании, сложившемся в русской поэтической традиции вокруг последнего стихотворения Державина «Река времен...», и пойдет речь в данной статье.

Отметим уже имевшую место попытку представить державинскую оду «На тленность» как логическое завершение, своего

рода эталонное выражение «руинного текста» русской культуры второй половины XVIII века [см.: Зверева 2007]. В этом плане напрашиваются параллели из лирики не только самого Державина, но и других поэтов – его современников (так, уже были отмечены в плане генезиса сближения державинского текста с лирическим циклом Н.Е. Струйского «Эротоиды» [Васильев 2003] и фрагментом А. Н. Радищева из «Осмынадцатого столетия» [Лаппо-Данилевский 2000: 157])¹. Однако гениальное поэтическое завещание Державина, несомненно, обращенно к традиции «руинного текста» русской культуры, далеко не ограничивается только «руинной» семантикой. Его смысловое содержание внутренне противоречиво и парадоксально. Приведем лишь одну достаточно оригинальную трактовку текста, данную А. А. Левицким в аспекте соотношения образа воды и образа поэта: «Но если раньше воды времени истекали из урн, то в этом стихотворении, олицетворяя себя самого в руине, Державин одновременно сам становится источником “реки времен”. Будучи ее “ключом”, он “уходит” общей судьбы вечности и воздвигает себе грандиознейший последний памятник – надгробие над звуками своей лиры, которое прочнее самого жерла вечности. Такого памятника не воздвиг и сам Гораций» [Левицкий 1996: 69]. Действительно, внутренняя парадоксальность смысловой структуры текста Державина как раз и заключается в противоречивой взаимообусловленности двух принципов – «руины» и «памятника».

Смысловое пространство державинской «Реки времен...» образуется пересечением двух сюжетно-тематических линий. Одна, экзистенциальная и историософская, идет от Екклесиаста: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (гл. 1, ст. 11). Другая, творческо-онтологическая, – исходит из горацианской традиции «Памятника» («Non, omnis moriar...»). Не случайно центральная метафора стихотворения «река времен» задает идею тленности, или быстротечности, всех дел человеческих, всего, что присуще историческому процессу (ср. «И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей»). При этом в разряд человеческих дел, казалось бы, включается и то, что «остается чрез звуки лиры и трубы» (обратим внимание на парадоксальное

¹ Заметим, что в известном канте петровской эпохи «Песня застольная» («Для чего не веселиться?»), частично восходящем к студенческому гимну «Gaudeamus igitur», уже появляется характерный для позднейшей державинской оды мотив: «Время скоро изнурится, / Яко река, пробежит: / И еще себя не знаем, / Когда к гробу прибегаем» [Западов 1979: 26]. Державин, создавая «Реку времен...», вполне мог (сознательно или бессознательно) ориентироваться на этот текст.

сочетание глагольной формы «остается» и выражения «общей не уйдет судьбы»). «Остается», надо полагать, именно то, что избегает полного «потопления» – пусть даже не навечно, а лишь на какой-то неопределенный срок (какой? – остается так до конца и не ясно). Эффект неопределенности еще более усиливается за счет того, что тема духовной составляющей «памятника», хотя и подводится под власть «общей судьбы», но в то же время вызывает в читательском воображении амбивалентный образ «жерла вечности» («вечности» и «забвение» вряд ли могут рассматриваться как банальные синонимы). Однако, на фоне обнаруживающейся позитивной тенденции «памятника»¹ семантика поглощения (ср. «топят – пожрется») – это логически последовательное развитие исходной еkkлесиастической линии – приобретает все более зловещий вид.

Загадочность державинского текста заключается в его смысловой неоднородности, которая поддерживается за счет динамического равновесия двух указанных жанровых традиций, идущих одновременно от Еkkлесиаста и Горация. Но, как показывает «интертекстуальное потомство» державинского сверткста, последующие поэты либо редуцируют смысловой континуум текста-прецедента, сводя его к какому-то одному семантическому центру, либо кардинально переакцентируют содержащиеся в нем смысловые полюса.

Анализ сверткстового единства «Реки времен...» позволим себе начать не с рассмотрения «интертекстуального потомства», а с современного Державину текста малоизвестного поэта Василия Тихоновича Феонова (1791–1835). Одно из самых ранних его произведений – «Ода, сочиненная и читанная 5 дня 1816 года при торжественном собрании императорского Казанского университета студентом Василием Феоновым». В ней еще совсем молодой сочинитель демонстрирует искусное владение устоявшимся к тому времени жанровым каноном похвальной оды. Но, пожалуй, самое примечательное, что выдает знакомство поэта-студента с античной традицией, – это близость к гораццианскому оригиналу, знаменитой «Оде к Мельпомене», воспринятой как напрямую (Феонов прекрасно

¹ Ср.: «...В последних строках Державина присутствует и какая-то странная радость, нет, точнее, не радость, но некий свет, приобщение к вечности. В чем тут секрет? Может быть, так: гениальные стихи даже на самую печальную тему всегда заключают в себе и выход, “бессмертья, может быть, залог”. Если на свете создаются такие стихи – не все потеряно. И Державин объясняет: все проходит, уносится, пожирается, но если поэт, человек способен все это охватить, понять, то самим этим пониманием он уже как бы вечен, бессмертен» [Эйдельман 1985: 32].

владел латинским языком), так и через поэзию великого русского посредника, Державина. В аспекте интересующей нас темы отметим лишь самый колоритный пример – 17-ю строфу, с ее противопоставлением разрушительному бегу времени – вечной славы России:

Ликуй! О славная Россия,
И пресловутых мать племен!
Твои деяния благие
Переживут и смерти плен.
Пусть время острою косою
Все зримое перед собою
Сразит, разрушит и сотрет;
Пусть вся Вселенна изменится,
Пусть в ряд развалин превратится,
И все живущее умрет... [Бурцев 2003: 115].

Поэт, казалось бы совсем в духе Державина, рисует апокалипсическую картину, но при этом тотальному разрушению мира (как материального, так и духовного) противопоставляет нетленность славы россос, причастность их вечности:

Но слава подвигов великих
Твоих героев и сынов
Сквозь ужас естества толикий,
Сквозь дым сгорающих миров,
Сквозь красны зарева, пожары,
Сквозь треск, громовые удары
Себе проложит путь прямой;
Пророет мраки вековые,
Туманы влажные, седые,
Достигнет вечности самой [Бурцев 2003: 116].

Как явствует из заглавия, ода сочинена Феоновым «5 дня 1816 года», т. е. 5 января, практически за полгода до «Последних стихов» Державина. Но это оригинальная трактовка горацанской темы, к тому же скрещенная с темой Экклезиаста, совсем как в державинской оде «На тленность».

Две последующие оды поэта посвящены морально-религиозным предметам: «Вера» и «Совість». По форме это оды горацанские, по содержанию же – духовно-философские. Но и здесь примечателен, ставший уже «визитной карточкой» Феонова, мотив разрушительного хода времени, вызывающий в воображении поэта поистине апокалипсическую картину:

Исчезнет все и помрачится,
Как сон, пройдет и превратится

В ничтожество своей чредой:
И блеск честей, богатства, славы
И роскошь, пышность и забавы
С своею прелестью земной...

Исчезнет бытие Вселенны,
И племена земли прейдут;
Как лист, от древа отрясенный,,
Светила с тверди ниспадут
И тьмою в безднах облекутся,
Как свиток, небеса свиются:
Едина не исчезнешь ты [Там же: 120].

Лишь одна Вера пребывает бессмертной, сливаясь, по словам самого автора, «с началом жизнедарным». То же, между прочим, наблюдается и с совестью: обретающая место в человеческом сердце, она выступает как данная свыше «указка», мистический проводник от Бога к человеку. Не случайно в тексте Феонова (и прежде всего на уровне ритмико-синтаксическом) появляются многочисленные реминисценции из державинской оды «Бог»:

Ты есть – я опытом то знаю,
Ты есть – присутствуешь во мне,
Ты есть – я живо ощущаю,
Ты есть, ты сердца в глубине
С могучей властью обитаешь,
Моей свободой управляешь,
Душевных чувств, рассудка свет,
Источник истины, познаний,
Судья всех дел моих, желаний!
Ты есть – и в том сомненья нет [Там же: 121].

Феонов, как видим, разрабатывает тему тленности всего земного параллельно Державину (и независимо от него), акцентируя прежде всего то, что «остается» от всеобщего разрушения. А остаются, по мысли поэта, именно духовные ценности – благие деяния России, Вера и Совесть.

Теперь можно перейти к непосредственному рассмотрению «интертекстуального потомства» державинской оды «Река времен...». По сути, первой реакцией на нее следует признать оду В.В. Капниста «На тленность» (1816). К уже имеющейся 8-стишной строфе Державина Капнист приписывает еще две такие же строфы, одна из которых носит преимущественно нарративный характер, а другая, выдержанная исключительно в горацианской традиции, содержит категорическое опровержение Екклесиаста:

Из века в век сей звук прольется.

Державин, нет! Всежруща тлень
К венкам твоим не прикоснется,
Пока святящий смертным день
Чредиться будет с ночью звездной,
Пока ось мира не падет, –
Времен над реюющею бездной
Венок твой с лирою всплывет [Капнист 1973: 255–256].

Как видим, державинские метафоры «река времен» и «потопление» людских дел в «пропасти забвения» получают у Капниста свое полемическое продолжение в виде «реюющей бездны времен» и всплывающего «венка с лирою». Ход поэтической мысли Капниста (противопоставление «всежрущей тлени» и удостоенных бессмертия духовных ценностей венка славы и лиры) очень напоминает тот же самый сюжетный ход, что мы уже наблюдали в одах Феонова. Однако полемическое опровержение державинского текста-прецедента (как мы видели, откровенно парадоксально в семантическом отношении) достигается у Капниста исключительно за счет риторического усилия, которое не затрагивает философско-онтологической глубины и потому не предьявляет какого-то достойного контраргумента-опровержения, выдержанного в экзистенциально-онтологическом духе поэта-предшественника. Редукция смыслового пространства державинского текста выступает здесь особенно наглядно.

Достоинным откликом на державинскую «Реку времен...», сохраняющим драматическую двойственность исходного текста-прецедента, можно считать 8-стишную миниатюру К. Н. Батюшкова «Жуковский, время все проглотит...» (1821). Хотя концовка текста уводит к традиции жанра комической эпиграммы, начало его выдержано в предельно серьезном тоне:

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит! [Батюшков 1989: 424].

Исходным моментом, свидетельствующим о включении данного стихотворения в державинский сверхтекст, опять-таки выступает развитие уже знакомой нам метафоры «реки времен»: только на смену «пропасти забвенья» приходит «река забвенья», а место пожирающего «жерла вечности» занимает время, «глотающее» друзей и «славы дым». Все это продолжение столь органичной для Батюшкова традиции Екклесиаста (ср. элегию «К другу» и фрагмент «Изречение Мельхиседека»). Но в пику данной традиции в стихотворении можно усмотреть и развитие темы горацианского «памятника», причем

углубление ее за счет романтической эстетики «памяти сердца», особенно полно развитой в трактате Батюшкова «О лучших свойствах сердца».

Пожалуй, наиболее адекватное соответствие барочно-одической традиции Державина находим в поэзии Ф. И. Тютчева. Так, мотивика державинской «Оды на тленность» прослеживается в стихотворении поэта «Сижу задумчив и один...» (начало 1830-х гг.):

Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
Оно пройдет –
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год [Тютчев 1965: т. 1, 70].

Именно с державинским образом «темного жерла» («жерла вечности») связывается в стихах Тютчева, равно как вообще в отечественной поэзии, первые ростки экзистенциального мироощущения.

Продолжением этой державинской линии – в ее принципиально экзистенциальном изводе – может служить тютчевское стихотворение «Смотри, как на речном просторе...» (1851). Образ плывущих во всеобъемлющем море и тающих льдин наводит Тютчева-поэта на схожие с Державиным размышления:

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твоё значенье,
Не такова ль судьба твоя? [Тютчев 1965: т. 1, 130].

Особенно паразителен у Тютчева образ «роковой бездны», идущий в сопровождении мотивов «неизбежности» и «судьбы» (одной и роковой «меты»). Приравниваясь к стихийному процессу, судьба захватывает «малых» и «больших», как у Державина – «народы, царства и царей». Блестящий анализ данного текста в аспекте поэтического диалога с державинской традицией произведен С.В. Галян, что освобождает нас от подробного разговора на эту тему.

Приведем только одно любопытное наблюдение исследовательницы, касающееся поэтики времени в сравниваемых произведениях обоих поэтов: «Заданное с помощью глаголов действия время в державинском тексте отчетливо делит его на два фрагмента: в первом – настоящее протяженное время (глаголы настоящего времени несовершенного вида “уносит”, “топит”), во втором – два глагола будущего времени совершенного вида (“пожрется” и “не уйдет”). Это созданная на грамматическом уровне «река времен», текущая и оборвавшаяся в вечность. Аналогично выстроено художественное время в стихотворении Тютчева. Несмотря на то, что слова “время” (или производных от него) в тексте нет, ощущение времени очень сильно. В “пейзажной” части, как и у Державина, движение реки создается глаголами настоящего времени несовершенного вида (или глагольными формами): “плывет”, “блистая”, “тая”. И внезапный переход – единственный глагол будущего времени (“солятся”), и совершенный вид этого глагола как будто свидетельствуют о неизбежности общего конца. Но два последних стиха тютчевского стихотворения вовсе лишены категории времени: они создают впечатление его отсутствия, безвременья или, если угодно, вечности» [Галян 2012: 95].

Нетривиальный аспект поэтического диалога с державинской традицией, и в первую очередь, с «Рекой времен...», являет стихотворение Тютчева «Михаилу Петровичу Погодину» (1868). Особенно примечательна вторая, заключительная строфа этого стихотворного послания, своего рода стихотворения на случай:

В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд
[Тютчев 1965: т. 2, 200].

Эпиграмматическая концовка нуждается в своем объяснении. В данном контексте «рука забвенья» может быть обусловлена паронимической аттракцией (сближением сходнозвучных слов «река» и «рука»), а также невольной контаминацией в сознании поэта двух державинских словосочетаний («реки времен» и «пропасти забвенья»). Получив от Тютчева сборник стихов с указанным текстом-посланием (эпиграммой), М. П. Погодин парировал – совершенно в том же духе, что и В. Капнист Державину: «Вы заставили меня пожалеть, что не пишу стихов, любезнейший Федор Иванович. Возражу вам прозою, что такие стихи, родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду

вековечных...» [Там же: 396]. Опять-таки истинная поэзия сталкивается с риторической природой прозаического суждения!

Державинская «Река времен...» находит заслуженный отклик и у поэтов XX века. Достаточно вспомнить О. Э. Мандельштама с его знаменитой «Грифельной одой» (1923), в интертекстуальном пространстве которой уживаются образно-тематические линии, идущие одновременно от Державина, Лермонтова и Тютчева. Пожалуй, самая наглядная преемственность с прецедентным текстом Державина обнаруживается в черновой редакции оды:

<И что б ни> вывела рука
<Хотя> бы жизнь или голубка
<Все> смоем времени река
И ночь сотрет мохнатой губкой

[Мандельштам 1995: 468].

Попутно отметим у Мандельштама контрастирующую в семантическом плане рифму *рука – река* (у Тютчева в послании М. Погодину, как мы помним, проявлялась бессознательная подмена того и другого). «Выводящая» нечто рука однозначно связывается с творческим, созидательным процессом, тогда как река (именно «времени река»), восходящая к ночной стихии небытия, «стирает» все очертания сущего. Державинская традиция дает о себе знать и в окончательном тексте «Грифельной оды»: вслед за поэтом XVIII века Мандельштам предлагает «свою интерпретацию проблемы времени, которая в первом приближении сводится к откату от линейной модели в пользу циклической» [Левченко 1996: 199]. Циклическая же модель времени – в силу ее культурно-исторического генезиса – опять заставляет вспомнить древнего мудреца Экклезиаста.

Более ранний пример существенной реминисценции из державинской «Реки времен...» находим в стихотворении Мандельштама «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915). «Сухое золото классической весны / Уносит времени прозрачная стремнина» [Мандельштам 1995: 126] напрямую перекликается с державинским «Река времен в своем стремленьи...». Интересно, что слово «стремнина» означает «обрыв, крутизна, пропасть, бездна», а также «быстрота течения». Словарь В. Даля даже фиксирует устойчивое словосочетание: «Века низринутись в стремнину вечности» [Даль 1991: 338]. Звуко-семантическая близость мандельштамовской «стремнины» и державинского «стремленья реки времен» может показаться поразительной. «Державинным яблоком катящиеся годы» [Мандельштам 1995: 127] – это выражение анаграмматически намекает на традицию классического поэта-

предшественника, а именно Державина, прославившегося, как известно, своим державно-одическим слогом. Хотя «сухое золото классической весны» ассоциируется у Манделштама не только с Державиным, но и, прежде всего, с античным Овидием и, конечно же, с Пушкиным, нельзя игнорировать тот факт, что общий строй манделштамовского стихотворения полемически направлен против трагического скепсиса Державина. Как это ни покажется странным, но именно в Пушкине (подтверждением тому следующие реминисценции: «Средь увядания спокойного природы», «Я вспомню Цезаря прекрасные черты», «Да будет в старости печаль моя светла») Манделштам находит опору для духовного противостояния – историческому времени и судьбе, таким образом преодолевая трагическую концепцию предсмертного стихотворения Державина.

В аспекте интересующего нас державинского сверхтекста не менее примечательно стихотворение В. Ф. Ходасевича «Памятник» («Во мне конец, во мне начало...», 1928). Выполненное, казалось бы, исключительно в горацанской традиции (отсюда и «прочное звено»), и памятник поэту в виде «двуликого идола» («в России новой, но великой»), данное стихотворение оказывается насквозь пронизано двусмысленно-иронической интонацией.

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершённое так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок... [Ходасевич 1989: 254–255].

Авторская ирония ощущается уже с первого стиха – в реминисценции из «Откровения св. Иоанна Богослова («Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель»). Да и в образе «двуликого идола», поставленного «на перекрестке двух дорог, / Где время, ветер и песок...», что удивительным образом смахивает на египетского сфинкса в пустыне, не предчувствуется ли апокалипсическое дыхание ветра, своего рода знак конца времен? Не сказывается ли кризисный характер новой исторической эпохи на самом повороте авторского интереса от ветхой книги Екклесиаста к новозаветной тематике апокалипсиса? Но, пожалуй, здесь и сегодня остается больше предположений и вопросов, нежели готовых ответов.

Подведем некоторые итоги. Как мы имели возможность убедиться, в ходе литературной эволюции на протяжении XIX–XX вв. увязываются воедино экзистенциальный и историософский варианты державинской «Оды на тленность», вступают между собой в конкуренцию открывающиеся в ее смысловой структуре традиции Екклесиаста и Горация. «Река времен...» Державина – по сути, корректив к его более раннему программному стихотворению «Памятник» (1795), а также «мостик» к позднейшему поэтическому завещанию Пушкина (ср.: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...» [Пушкин 1977: 340]). Именно так: пушкинское «тленья убежит» – одновременно и полемика, и творческое состязание с Державиным-предшественником, одним словом, продолжение державинской традиции.

В теоретическом плане важен еще один момент. На примере «интертекстуального потомства» державинского текста-прецедента «Река времен...» становится очевидным, что «ядро» образуемого им рецептивного цикла задается сюжетной ситуацией, иначе говоря, качественно определенной структурой мотивов, а не их количественным набором, пусть и взятым в разнообразной комбинации. Именно следование исходной, заданной текстом-прецедентом, лирической ситуации (несмотря на неизбежно пунктирный характер рассмотренной нами линии поэтической преемственности от Державина к Ходасевичу) – испытанно-надежный критерий в определении рецептивных границ любого свертхтекстового образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Батюшков К. Н.* Соч. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 1.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986.
- Бурцев Г. Н.* Пермский пленник, или Житие и стихи В. Т. Феонова. Пермь : Арабеск, 2003.
- Васильев Н. Л.* Г. Р. Державин и Н. Е. Струйский (Об одном из возможных источников предсмертного стихотворения Державина) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 61. № 2. С. 44–50.
- Галян С. В.* «Река времен...» у Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 93–96.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1991. Т. 4.

Державин Г. Р. Сочинения. СПб. : Академический проект, 2002.

Жолковский А. К. Интертекстуальное потомство «Я вас любил...»

Пушкина // Жолковский А. К. Избр. статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М. : РГГУ, 2005.

Западов В. А. Русская литература века. 1700–1775: Хрестоматия. Учеб пособие / сост. В. А. Западов. М. : Просвещение, 1979.

Зверева Т. В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2007.

Капнист В. В. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1973.

Лапто-Данилевский К. Ю. Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 2000. № 7. С. 146–158.

Левицкий А. А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век: сб. 20. СПб. : Наука, 1996. С. 47–71.

Левченко Я. «Грифельная ода» О. Э. Мандельштама как логодицея // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 197–212.

Мандельштам О. Э. Полн. собр. стих. СПб. : Академический проект, 1995.

Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв. : антология-монография / авт.-сост. Ю. В. Казарин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. 4-е изд. Л. : Наука, 1977. Т. 3.

Тютчев Ф. И. Лирика : в 2 т. М. : Наука, 1965.

Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1989.

Эйдельман Н. Я. Последние стихи // Знание – сила. 1985. № 8. С. 32–34.